

Г-88

801-13 46
2624

276
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

R 276
823

R 726
823

Г. ТУРКЕСТАНСКИЙ.

Кто такие были джадиды

Палат. Просвещ.
Центр НТД
Кат. № 5317

Р. С. 6
Н. 6

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Шиб № 945
I-37

Библиотека
Власть
ИМ. В. И. Ленина
С. Р.

9214
8646
1927 г.
С. М. Косов

54-269 ИЗДАНИЕ
Средне-Азиатского Коммунистического Университета
Ташкент, 1926 год.

Г. Туркестанский.

Кто такие были джадиды.

(Две рецензии).

I. Очерки революционного движения в Средней-Азии.

По истории Средней-Азии вообще, а по истории колониальной революции в Туркестане в особенности, такой недостаток литературы, что читатель с жадностью набрасывается на каждую вновь появившуюся книжку или брошюру. Многообещающее название рецензируемого сборника ¹⁾ точно также привлечет внимание широкого читателя. Вот почему на этой книжке нужно остановиться подробнее.

Книжка останавливается только на 3 моментах истории революционного движения и на одном моменте истории контрреволюции (басмачество), поэтому более или менее полного обзора истории революционного движения в Средней-Азии читатель в ней не найдет. Статьи посвящены: 1. Джадидизму (Файзулла Ходжаев); 2. Движению туземного населения в 1905 году (Федоров); 3. Восстанию 1916 г. (Рыскулов) и 4. Басмачеству в Фергане (Гинсбург).

В целом статьи дают довольно богатый, до сих пор в большей своей части в печати неизвестный материал. Только статья Файзуллы Ходжаева ничего нового, в ранее известное не вносит и только вводит в заблуждение молодых партийцев постановкой вопроса, которая, безусловно, неверна в партийном отношении.

Начнем, однако, с общего замечания, которое относится к 3 первым статьям.

Все три автора первых трех статей, каждый по разному, в конце концов признают одно и то же, что джадиды были идеологами прогрессивной торговой буржуазии.

„Несомненно“, — говорит тов-щ Федоров: „что джадидизм являлся прогрессивным движением торговой буржуазии, тех ее слоев, которые связаны были торговлей с Европейской Россией“... (стр. 44).

¹⁾ „Очерки революционного движения в Средней-Азии“. Сборник статей Файзуллы Ходжаева, Е. Федорова, Т. Рыскулова, С. Гинсбург.

Издание научной ассоциации Востоковедения при ЦИК СССР. Москва, 1926 год. 152 стр. Цена 1 р. 20 к.

Ташкент, типография пром.-кооперативной артели „МАТБУГАТ“.
Ташоблит № 637.

Тираж 2.000

2011123855

„Являясь по существу своему выразительницей нарождающейся торговой буржуазии оседлого населения“ и т. д. (Рыкулов, стр. 121).

То же самое читаем и у Ходжаева:

„Джадиды, конечно, выражали интересы торгового капитала. Это ясно, как из характера их требований, так и по аналогии с младо-турецкой партией“. (стр. 10).

Очень интересно, что ни один из авторов не привел ни одной цитаты хотя бы из одного документа программного характера, из которого было бы ясно, что действительно характер требований джадидов шел по линии интересов „нарождавшейся торговой буржуазии оседлого населения“, но в то же время каждый из авторов, как бы нарочно, в противовес своему мнению приводит факты, которые совершенно разрушают их же постановку вопроса о классовой сути джадидов.

У Федорова читаем: „Джадидизм захватил мелко-буржуазные слои, часть интеллигенции“ (Заметьте, что это на той же 44 стр., только несколькими строками выше).

Где же тут ваша, т. Федоров „прогрессивная торговая буржуазия“?

Во первых, позвольте спросить, что за прогрессивная (!) торговая буржуазия в 20 веке в Туркестане, когда торговый капитализм уже изжил себя, когда сельское хозяйство Туркестана переживает глубокий кризис потому, что оно уперлось в торгово-ростовщические и производственные отношения? Или вы думаете, что может еще быть, кроме торгового капитализма, еще какой-то особенный „прогрессивный“ торговый капитализм?

Если вы действительно так думаете, то задача рецензента предостеречь читателя, чтобы он вам не поверил.

Но давайте все-таки о том, с чего начали. Вы говорите совершенно верно, и с этим я совершенно согласен, что джадидизм захватил „мелко-буржуазные слои“, а это значит, что он захватил мелких собственников, мелкую буржуазию т. е., как раз не торговую буржуазию, а объект ее эксплуатации. Того самого мелкого собственника, который является носителем новых производственных отношений—отношений промышленно-капиталистических, т. е. тех отношений, которые как раз не развиваются, а тормозятся в результате торгово-капиталистической эксплуатации. И вы верно констатируете факт, что джадидизм охватил определенные слои, но вы в то же время клеветаете на мелкого буржуа и мелко-буржуазного интеллигента, заявляя, что он отражает интересы своего классового врага, т. е. проще говоря, вы заявляете бессмыслицу.

Рыкулов тоже путает не лучше Федорова. Он на той же странице (121), с которой взята цитата, приведенная выше, не-

сколькими строками ниже продолжает: „Относившаяся вначале безразлично к восстанию масс (восстание с 16 г. Г. Т.) джадидская интеллигенция, в своей причастной к администрации части, становится открыто на сторону русской буржуазно-демократической общественности“.

Прежде всего от тов. Рыкулова нужно узнать, почему он называет местную торговую буржуазию „нарождающейся“ (цитата первая), если всякому известно, что торговая буржуазия в крае уже была еще до завоевания края русскими, что русский торговый капитал пришел в Туркестан на распаханную местным торговым капиталом почву, что расцвет силы русского торгового капитала в крае в значительной мере обязан именно этой „распаханности“, что русский торговый капитал „взял на буксир“ местную торговую буржуазию и, действительно, заставил ее подрасти, и что этот рост как раз пришелся не на период 1905—17 годов, а главным образом на период—1886—1900 годы. Всякий это знает, а тов. Рыкулов нам совершенно верно сообщает, что джадидизм появился как раз не в период роста, а в период кризисный. В чем же дело, тов. Рыкулов? Чем объясните вы это загадочное явление, которое, к сожалению, противоречит вашей теории? Мне думается, что если действительность противоречит теории, значит теория не верна.

Но пойдем дальше. Как же понять что ваши идеологи „нарождавшейся торговой буржуазии“ становятся открыто „на сторону русской буржуазно-демократической общественности“?

Пусть, может быть, в порыве борьбы с русским торговым капиталом, они солидаризируются с врагом этого капитала русской промышленной буржуазией. Но ведь вы говорите не это. Вы говорите „русской буржуазно-демократической общественности“, т. е. значит не только кадеты, вернее даже не столько к-д., сколько с-р.—профессиональные—представители мелкого производителя, который является носителем капиталистических производственных отношений и в то же время классовым врагом торгово-ростовщической буржуазии. Но допустим даже, что мы под враждебным выражением обнаружим кадетов. Но, ведь, программа кадетов по отношению к Туркестану известна; они против безраздельного господства торговой буржуазии в Туркестане (и русской и тем более туземной); они кричат о кризисе, к которому катится туркестанское сельское хозяйство, благодаря господству торгово-ростовщических отношений (см. речи Милокова в 3-й Гос. Думе). И вы в то же время говорите, что к ним поварачивает лицо идеолог туземной торговой буржуазии—джадид.

Я согласен с вами. Он действительно поварачивает свою голову в эту сторону, но вовсе не потому, что он идеолог торговой буржуазии, а именно потому, что он идеолог той только что

нарождающейся общественной группировки, которая против торгового капитала, ввергавшего хозяйство края в затяжный кризис, которая за промышленно капиталистические производственные отношения в крае.

Файзулла Ходжаев, как видим, стоит за ту же аттестацию джадидизма, но он в то же время заявляет, что-то весьма интересное, для его точки зрения, невероятное, но нас подкрепляющее чрезвычайно.

„Борьба за буржуазно-демократическое переустройство общества, за европейский путь развития—так можно кратко формулировать задачу мусульманских прогрессистов тех лет.

„Эти новые революционные и освободительные идеи проникли и к нам, в Среднюю Азию, в Бухару“ (стр. 8).

И джадиды, именно они являются проводниками этих буржуазных идей. И проводники этих буржуазно-демократических идей автором называются идеологами торговой буржуазии, для развития которой, „как воздух были нужны правовые гарантии и европейская система образования“ (стр. 10).

И далее

„...социальная база джадидизма была очень узка. Часть купечества, разночинная интеллигенция и отчасти полупролетарские (!) элементы. Против джадидизма стояли государственная власть полиция, армия, весьма многочисленное и великолепно организованное духовенство, другая часть купечества и сельские кулаки, при очевидном нейтралитете широких слоев деханства“ (курсив автора, стр. 11).

Одним словом свои своих не познаша и наши чужих за своих признаша.

„Другая часть, (очевидно большая, ибо ведь социальная база джадидизма узка Г. Т.) купечества и сельские кулаки“, т. е. сам торговый капитал и его агенты—кулаки шли против тех, кто горой стоял за их интересы и нес им нужную, „как воздух“ культуру.

А бедные старатели джадиды набранные в большинстве своем из классов, совершенно противоположных торговой буржуазии (интеллигенция и даже полупролетарские элементы), из кожи лезут вон, стараются на своих классовых врагов, „выражают интересы торгового капитала“.

Словом запутано до невероятности.

Мы цитировали уже основания выводов тов. Ходжаева. У него там фигурируют в качестве подтверждения его точки зрения на классовую сущность джадидизма указания на „характер требований“ (разумеется джадидов) и „аналогия с младо-турецкой партией“.

Теперь пришел черед посмотреть, как обстоит дело с этими двумя мотивами.

За европейский путь развития, за буржуазную демократию, а пока что, пока программа максимум не осуществима—за культуру, за новую школу—это программа минимум.

Тов. Ходжаев не будет отрицать, что мы верно передаем его изложение программы джадидов.

А если так, то позволительно спросить, где же здесь интересы торгового капитала?

За европейский путь развития—ведь это за промышленный капитализм. Это за разрушение торгово-ростовщических производственных отношений. Так или не так? Думается, что так. А если так, то где же здесь интересы торгового капитала?

Тов. Федоров, чтобы укрепить свою шаткую позицию, выдумал „прогрессивную“ торговую буржуазия, которая, очевидно, несла какой-то неведомый до сих пор в истории сверх-торговый капитализм, в то время, когда „старый“ надо полагать регрессивный (это по сравнению с Федоровским „прогрессивным“) уже себя изжил.

Товарищ Ходжаев отличился не менее. Он, с видом не терпящим возражений, заявляет, что культура, „европейская система образования“ нужны торговому капиталу „как воздух“. Дело ясное—культура нужна торговому капиталу, как воздух,—джадиды за культуру—значит, джадиды выражают интересы торговой буржуазии, несмотря на то, что они вербуются из мелко-буржуазной интеллигенции и полупролетарских элементов.

Как будто „логично“, не ясно только одно, как это вдруг случилось, что торговый капитал все свое отрочество, юность и зрелый возраст прожил без культуры и вдруг, когда дело пришло к старости, ему культура потребовалась „как воздух“. (До сих пор, очевидно, в годы лучшего своего расцвета, он жил без воздуха).

Не ясно ли, что здесь что-то не ладно. Одно из двух: либо торговый капитал всегда именно в годы своего кризиса требует культуры, „как воздуха“, либо требования культуры—это требования не торгового капитала, а каких-то новых форм, производственных отношений, которые действительно без „европейской системы образования“, не могут жить, как человек без воздуха и появляются именно в годы старости торгового капитала.

Для всякого ясно, что „европейская система образования“ нужна для организации пр-ва. Всякому также известно, что торговый капитал не организует производство, а что этим занимается промышленный капитал.

Отсюда вывод—культурничество джадидов, как и требование европейского пути развития края,—требования промышленно-капиталистические. Отсюда понятна и социальная база джадидизма.

Почему она узка? Узка потому, что вообще промышленно-капиталистические отношения только-только кое-где нарождались.

Почему джадидизм расцветает в 20-м веке? Потому что развитие производительных сил края уперлось в торгово-ростовщические производственные отношения. Хозяйство ищет выход. Джадиды рупор новых промышленно-капиталистических производственных отношений.

Далее, об „анalogии с младо-турецкой партией“.

Очень странно, что тов. Ходжаев берет для аналогии младо-турецкую партию, и сам в тоже время о турецком влиянии заявляет, что оно „было отравлено—ядом красиво звучащего но социаль-но никчемного лозунга пан-исламизма“. (стр. 8).¹⁾

Почему бы не взять, если уж нужно брать аналогии, китайский гоминдан? Здесь бы, может быть, нашлось больше похожих на туркестанский джадидизм элементов. Вспомните, с чего начал гоминдан. Он начал тоже с культурничества, с борьбы за газету. Вспомните социальную базу гоминдана—это интеллигенция и мелкая буржуазия, действительно прогрессивная, (а не по Федоровски „прогрессивная“) буржуазия.

Наконец, что это за метод—анalogиями объяснять историю? Сравнение—это хорошо, но нельзя же аналогю ставить в угол своих рассуждений.

Все возражения до сих пор были возражениями против трех авторов. Перехожу теперь к замечаниям по каждой статье в отдельности. Так как статья Файзуллы Ходжаева стоит первой, и так как до сих пор мы говорили о ней только наряду с другими, то я позволю себе сделать еще дополнительно несколько замечаний.

На стр. 11 имеется следующее замечание: „В купечестве были разнообразные элементы и сочувствующие джадидизму, даже его лидеры, и враги. Все зависело от индивидуальных (!) склонностей и связей“.

Читателю совершенно ясно, что марксисту, члену партии такие объяснения классовых позиций, конечно, не к лицу, ибо давно известно, что в классовой борьбе „все зависит“ вовсе не от „индивидуальных склонностей и связей“.

И кончается статья так:

„Именно джадидизму мы обязаны тем, что в Средней Азии воспитались кадры, могущие возглавить национально-революционное движение и возглавившее его уже тогда, когда наше революционное движение влилось в великий поток Октябрьской революции, пошло под коммунистические знамена“?

1) Очевидно настоящая чистая идеология джадидизма, по мнению автора, должна бы быть чистой от этого реакционного яда.

А раз это так, то автор еще один раз бесцеремонно опрокидывает свой же собственный взгляд на классовую сущность джадидов.

Как понять, что идеологи торговой буржуазии возглавили ту самую революцию, которая в смысле социальном именно и была в первую очередь направлена против торгово-растовщических-производственных отношений? Как далее уразуметь такое исторически невероятное обстоятельство, что кадры, воспитанные идеологами торговой буржуазии, вдруг „возглавили“ революцию именно тогда, когда она пошла под „коммунистические знамена“.

— Это пока что остается секретом автора. Статья на эти совершенно законные вопросы не отвечает. Может быть, автор в будущем попытается связать концы с концами, но нам кажется, что при точке зрения автора на социальную сущность джадидизма, это сделать просто невозможно.

Но, однако, давайте по порядку.

✓ Во-первых, откуда взял тов. Ходжаев такое мнение, которое не согласно со взглядом партии и объективным ходом вещей, что кадры джадидизма „возглавили“ революцию в крае, когда она пошла под „коммунистические знамена“?

Наоборот, мы знаем истину совершенно иного сорта, мы знаем, что революцию в Туркестане возглавила Российская Коммунистическая Партия (большевиков), т.е. ВКП(б.), что политика партии в крае—это политика ВКП(б.), и что если и можно говорить об элементах, воспитанных джадидизмом, и их роли в национальных компартиях, то можно только говорить, как об элементах, которые более или менее последовательно примкнули к линии ВКП и поэтому очутились в рядах ВКП.

Мне кажется, что для партии нет вопроса о том, почему элементы, воспитанные на джадидизме, „возглавили“ революцию в Туркестане, ибо такого возглавления не было. Есть вопрос только о том, почему они восприняли линию коммунистической партии и очутились в ее рядах, став активными работниками нац. компартий.

Вот на этот вопрос нужно бы ответить, но смею вас, тов. Ходжаев, уверить, что на него вы не ответите до тех пор, пока вы не отбросите своей неверной точки зрения относительно классовой сути джадидизма.

Можно, пожалуй, свести концы с концами, если вы начнете объяснять исторические процессы личными симпатиями, личными связями и т. д., как это вы делаете в разбираемой статье; но на это вам в наш век всякий студент комвуз'а скажет, что это объяснение **не марксистское**.

А если так, то значит нужно искать объяснение где-то в другом месте.

Мне кажется, что если статья на ту точку зрения, которую защищает настоящая рецензия, то вопрос решается проще простого.

В самом деле, в чем основная линия политики партии в крае?

Основное в политике партии—это всемерное развитие производительных сил края, это—сметание с дороги всего того, что мешает этому развитию.

Почему появились джаиды? Потому что торгово-ростовнические производственные отношения в крае стали на пути хозяйственного развития края. Пришла пора разрушения этих отношений и создания отношений промышленно-капиталистических, по отношению к старым производственным отношениям, конечно, прогрессивных. Это было связано, между прочим, и с необходимостью освободить край от господства русской торговой буржуазии.

Все, что было прогрессивного, передового и среди национальной интеллигенции и среди мелкой буржуазии,—все это шло в джаиды. Джаиды были рупором новых производственных отношений: они за „прогресс“, за развитие производственных сил края и за освобождение края от прижимавшей к земле хозяйственное развитие края русской эксплуатации. Советская власть и партия тоже за „прогресс“, за самостоятельное государственное существование национальностей края и за развитие его народного хозяйства. Мечты джаидов в значительной своей части совпали с линией коммунистической партии. Национальная прогрессивная буржуазия (ее идеологи-джаиды) попала под руководство пролетариата и пролетарской партии, ибо в данный исторический момент они (партия и джаиды) стояли за одно: за национальное освобождение и за развитие производительных сил края.

И джаиды в части своей, надо полагать, наиболее революционной влились в пролетарскую партию, стали активными проводниками ее политики.

Это сделало, конечно, национальные компартии не совсем пролетарскими, это породило лозунг большевизации нац. компартий, но это в то же время было непременным условием для осуществления руководства со стороны ВКП национально-освободительной революцией.

Иная точка зрения, мне думается, будет точкой зрения—не марксистской в той своей части, где джаиды расцениваются, как идеологи торговой буржуазии, и не партийной в той своей части, где элементарам, воспитанным на джаидизме, приписывается руководящая роль в национальной революции в тот период, „когда наше движение влилось в великий поток октябрьской революции, пошло под коммунистические знамена“.

II. Об одном историческом документе. *)

В сущности, нужно бы говорить о двух документах, ибо одновременно с появлением рецензируемой работы появилась и статья того-же автора в первом томе журнала „Историк Марксист“, под заглавием „О младобухарцах“. Но статья эта является простой перепечаткой первых страниц рецензируемой книжки с весьма, незначительными изменениями (со стр. 5 до 31). Поэтому, в основном, в рецензии речь будет идти об одном документе, и только кое-где будут даны ссылки и на упомянутую статью, с целью уточнить некоторые формулировки автора.

Автор не считает свою статью ученым исследованием („Историк Марксист“ стр. 123). А о рецензируемой работе говорит, что она „отнюдь не дает исчерпывающего анализа освободительного движения в Бухаре“ и написана частью по материалам, „частью по памяти“ (стр. 4). Это извещает, как статью так и книжку от требований предъявляемых критикой к научным исследованиям. Однако, в том-же предисловии мы читаем, что автору хотелось „внести некоторую ясность в смысл происходивших событий, не только с точки зрения исторической справки, но и для оценки отдельных происходящих на наших глазах революционных процессов“¹⁾ (стр. 3). Это уже дает критику не только права, но даже накладывает на него обязанность—отнестись к указанной работе не только, как к простым мемуарам, а предъявить к ней так-же и требования гораздо большие. Вот почему, хотя свою рецензию мы и озаглавливаем „Об одном историческом документе“, мы все же собираемся потребовать от автора той-самой „ясности“ понимания „происходивших событий“, которые автор обещает в своем предисловии и будем считать работу не только исторической справкой, а чем-то гораздо большим; будем считать такой работой, которая на ряду со справками дает и философию исторического момента.

К сожалению, с первых же страниц работы мы натываемся на отсутствие ясности в постановке основного вопроса—это вопроса о классовой сущности той борьбы, которая происходила на глазах автора в Бухаре, за весь описанный автором период.

*) (Файзулла-Ходнаев. „И истории революции в Бухаре“, Ташкент, 1926 г. Государственное Издательство).

¹⁾ Очевидно опечатка, нужно сказать „процессов“.

На стр. 10 мы читаем:

„Конечно, джадидизм выражал интересы передовой части торгового капитала, но **непосредственно** он строился не руками торгового класса“ (подчеркнуто автором), а в заключении имеем место: „На длинном, извилистом и трудном пути, от первых робких шагов в сторону европеизации прогресса и хотя какой либо правовой государственности до создания Коммунистической Партии в Бухаре, низвержения эмирата и конкретной работы по постройке и укреплению Советской Бухары, на этом трудном пути из идейного арсенала старого джадидизма многое подверглось ревизии и пересмотру; от многого пришлось отказаться, многое принять, переварить нового, такого на что не было даже намека в раннем джадидизме“.

Если партия „выражает интересы“ определенного класса, то значит она является партией этого класса. Мы вправе поэтому сказать, что автор считает джадидов—партией торговой или даже точнее торгово-ростовщицеской буржуазии,—ибо торговая буржуазия в Бухаре была, как это великолепно известно автору, в то же время и ростовщицеской, но тут же перед нами вырастает неумолимый вопрос: как случилось это историческое „чудо“, о котором повествует автор, как случилась эта неимоверная эволюция партии торгово-ростовщицеской буржуазии „от первых робких шагов... до создания Коммунистической Партии в Бухаре“, до утверждения советской власти и т. д.

Нам кажется, что основная задача поставленная автором в том именно и заключалась, чтобы не только рассказать об этом великом „чуде“, но и более или менее удовлетворительно его объяснить. Однако, как мы не старались вчитываться удовлетворительного объяснения этому „чуду“ так и не нашли. Вместо этого, мы обнаруживаем в работе описание другого „чуда“. чудо о том, как джадиды—партия торгов буржуазии—вдруг отрываются от всех классов и классовых группировок, беспомощно болтают в воздухе ногами в поисках на кого бы опереться, берут за точку опоры всех сразу, затем пересаживаются с лошади на лошадку, пока наконец не усаживаются на дехканина, а отсюда прямо в коммунисты... Для объяснения одного чуда допущено другое чудо, допущено существование надклассовых, абстрактных революционеров, которым все равно кого вести на баррикады—пролетарий так пролетарий, купец так купец, дехканин так дехканин—лишь бы делать, во что-бы то ни стало, делать революцию, и в результате вынырывают откуда-то настоящие коммунисты, то бишь теперь—уже „бывшие“ идеологи торговой буржуазии, много но очевидно не все пересмотревшие из своих старых воззрений и восседают в советском правительстве...

Давайте же разберем данный автором материал по порядку.

Прежде всего стоит вопрос о том, находим ли мы в этой работе достаточно фактов подтверждающих положение автора о том, что джадиды были представителями партии прогрессивной торговой буржуазии. Всегда, во все времена, лучшим показателем того, интересы какого класса защищает партия—были программные требования этой партии. По этому мы особенно внимательно вчитываемся в те места, где автор либо цитирует, либо просто излагает программу или платформу этой партии торгово-ростовщицеской буржуазии.

На стр. 13 читаем следующее изложение первоначальной платформы джадидов: „Основными требованиями и задачами джадидов были: борьба с религиозным фанатизмом путем распространения новейшей религиозно-светской литературы, тюрко-татарского издания, введение светских ново-методных, европейского образца школ взамен старых, чисто религиозных, схоластических и общая перемена всей средневековой схоластической системы народного образования на светскую отвечающую требованиям современности, ослабление цензурного гнета, хотя бы частичная свобода печати—это в области идеологии; в области же экономики и администрации—джадиды требовали снижения налогов, но это не было ясно оформлено, а главное их упорядочение и точной фиксации, изгнания из этой области произвола беков, которые разными путями доводили налоговое обложение до 30%¹⁾ выработки дехканина, что приводило к полному народному обнищанию. В области законодательной введение хотя бы каких нибудь правовых гарантий, необходимых для правильного функционирования современной, уже приобретшей оттенок капиталистической цивилизации народно-хозяйственной жизни Бухары. Здесь джадиды и так же до конца своей деятельности ясно не выразили того, чего хотели. Венцом всех джадидских требований, сладкой мечтой джадидизма, его программой максимум, правда, разделившейся только отдельными, наиболее передовыми представителями джадидов, так и не получившей признания в сколько-нибудь значительной части организации, в последние пред-революционные годы было введение в Бухаре конституции по младотурецкому образцу. Таким образом мы видим, что пропаганда джадидизма ориентировалась на развитие и процветание демократии и капитализма по западным образцам, но значительно уже устаревшим. Уничтожить средневековую деспотию, заменить ее современным буржуазно-демократическим строем—таков был идеал младобухарцев позже в первые дни февральской революции“.

Надо заметить, что в журнале „Историк Марксист“ у автора программа изложена в гораздо более категорической форме. Там нет целого ряда оговорок о том, что не всеми признавалось, неясно выражено и т. д. Наоборот, там совершенно категорически заявляется: „унич-

¹⁾ В „Историк—Марксист“ указано 50%.

тожить средневековую деспотию заменив ее буржуазно-демократическим строем—таков был идеал бухарских прогрессистов“ („Историк Марксист“ стр. 129). Мы оставляем на совести автора эти оговорки в одном месте и отсутствие оговорок—в другом, важно не это. Конечно, большая или меньшая категоричность требований, большая или меньшая сговоренность на основных пунктах платформы сама по себе говорит очень многое, но в данный момент для нас важнее, как раз другое. Важнее вопрос о том, находим ли мы в этом изложении программы подтверждение и там, и здесь высказанного тезиса, что джаиды „отражали интересы передовой части торгового капитала“... Нет, мы этого подтверждения не находим. Все пункты программы, несмотря на туманность выражения автора вроде: „оттенок капиталистической цивилизации“, говорят о том, что эта программа самых обыкновенных буржуазных демократов, которые, как раз отражают не интересы торгового капитала, а именно интересы указанного автором „оттенка капиталистической цивилизации“, т. е. интересы носителей новых производственных отношений—вольно-наемный труд, следовательно-промышленный капитализм.

Недостаточно ясное понимание автором той истины, что торговый капитализм это—эксплоатация еще не отделенного от орудий производства мелкого производителя, а промышленный капитализм это—эксплоатация уже свободного от орудия производства и свободного вообще пролетария, недостаточно ясное понимание автором этого обстоятельства ведет его к общим формулировкам „капитализм“, без разделения форм торгово—ростовщической и промышленно-капиталистической эксплуатации, и к употреблению вместо выражения „элементы промышленно-капиталистических производственных отношений“ таких ничего не говорящих выражений, как „оттенок европейской цивилизации“ и т. д. Из этого не четкого разграничения двух форм эксплуатации, которые при одновременном существовании неизбежно ведут между собою борьбу—вытекает и другая неясность во всем изложении, которая заключается в том, что автору не понятно, что всякий городской мелкий буржуа и всякий мужик (дехканин), если он имеет вольнонаемных рабочих, в принципе является носителем новых форм эксплуатации, форм промышленно-капиталистических. Это уже промышленник в миниатюре.

Нам кажется, что если четко поставить этот вопрос и отсюда подойти к приведенному изложению программы, то мы должны совершенно определенно сказать, что в ней отразились, как раз потребности этих новых форм эксплуатации и несколько не старых форм—форм торгово-ростовщической эксплуатации. Тут и правовые гарантии, и культура, и конституция и все предельно, которые ростовщику-купцу подчас не только не нужны, а даже вредны, ибо

всякая правовая гарантия дает права мелкому производителю, более или менее энергично обороняться от всякого рода проделок и злоупотреблений ростовщика-скупщика. Всякого рода культура нужна только тому, кто организует производство, в данном случае носителю промышленно-капиталистических форм эксплуатации. Но пойдем, однако, дальше и рассмотрим другие места работы, которые дают сведения о программных требованиях джаидов.

Наступил 1917 год и требования джаидов фиксируются автором в следующей форме: „Требования младобухарцев посколькони они остались у меня в памяти сводились к следующему: 1) Народное представительство центральное при эмире и местное—при беках, улучшение администрации и контроль народных представителей над нею. 2) Отмена налогов, кроме установленных законами шариата. 3) Свобода школ и печати и, наконец, 4) Смена некоторых наиболее фанатичных и реакционных сановников эмира“ (стр. 20).

Из всего изложения автора следует, что от налогов прежде всего страдали дехкане и городская мелкая буржуазия; в центре требований стоят налоги, а за ними следуют типичные требования буржуазных демократов—свобода слова и автор в то-же время нам заявляет, что „конечно, джаидизм выражал интересы передовой части торгового капитала“. Очень странно между прочим так же и то, как могут выражающие интересы торгового капитала требовать народного контроля, то-есть контроля мелкой буржуазии и дехканина над эмиром и беками, явившимися, как еще увидим, настоящими доподлинными представителями этого торгового капитала. Мне думается, что если даже слегка вдуматься в приведенные требования, то станет совершенно ясно, что эти требования вовсе не „конечно“, требования торговой буржуазии. Но это еще не все. Когда, наконец, дело дошло до выработки уже настоящей программы (начало 1918 года), то несмотря на все старания, направленные к тому, чтобы написать умеренную программу с целью „расширения социальной базы“, „ибо излишний радикализм мог решить организацию весьма важных в данный момент ее правых членов и попутчиков“ (стр. 35), все-же несмотря на это в проект программы, как основное требование понадеет и следующее: „Как меру поощрения для интенсификации сельского хозяйства проэкт предлагает сельско-хозяйственный кредит и механизацию обработки. В этом отношении проэкт ставит все точки над „и“. Он настолько радикален и практичен, что предполагает создание в Бухаре сельско-хозяйственного банка с многочисленными филиалами в областях, что должно освободить бухарское дехнство от цепных лап многочисленных деревенских ростовщиков, а также завоз в Бухару и раздачу дехканам сельско-хозяйственных машин и обучение дехкан обращению с ними. Сельско-хозяйствен-

ные школы, агрономические знания, проводимые в массу,—все это предусмотрено проектом, обо всем этом должно заботиться утвержденное для этой цели министерство земледелия". (Подчеркнуто мною Г. Т.).

Читаешь и просто удивляешься, как много нужно иметь презрения к ничему не понимающему читателю, чтобы в одной и той-же книжке давать такое яркое изложение программы освобождения от пути торгово-ростовщической буржуазии сельского хозяйства страны, программы которая выводит сельское хозяйство на путь развития по направлению к настоящей капиталистической форме и в то-же время говорить, что джаиды отражали интересы торгового капитала. т.-е. интересы, как раз того класса, против которого и направлена эта программа. Находясь в числе читателей, разбираемой книжки я должен все-таки разочаровать автора: достаточно знать, хоть немножко историю классовой борьбы, чтобы прочитав цитированное изложение программы, совершенно не поверить указанию на то, что джаиды отражали интересы торгово-буржуазии, а сделать вопреки желанию автора заключение, что джаиды были самыми обыкновенными буржуазными демократами, стоявшими за, промышленно-капиталистическое развитие и сельского, и городского хозяйства страны.

Автору не может помочь то, что он иногда ставит рядом „демократию и торговый капитал“, (стр. 9) и классовую сущность движения скрывает под ничему не говорящим выражением „национально-революционные элементы“ (стр. 30). Это только изобличает то обстоятельство, что автору не понятен классовый смысл борьбы в Бухаре. Непонятно так-же и то, что в Бухаре, как и в остальном Туркестане революция была ничем иным, как восстанием **демократии**, именно демократии, т.-е. дехкан и мелкой городской буржуазии против торгово-ростовщического русского и туземного капитала, и что джаиды выросли из этого восстания, отражая именно его физиономию. Об этом, не говоря ни слова, но только излагая факты, красноречивейшим образом свидетельствует разбираемая работа. Автор не уяснив себе основное хочет убедить себя и читателя, что революция в Бухаре была восстанием **всех** против эмирата, при чем эмират понимается, как что-то совершенно отвлеченное, ни с каким классом не связанное. Там фигурируют духовенство, чиновники (знать), далее финансовая аристократия, но четкого определения чьим же „комитетом“ является государственная власть в Бухаре у автора мы не находим, а по этому не находим и указаний на то, что значила борьба против эмирата в смысле общественном. Но к этому мы еще вернемся, а пока продолжим рассмотрение классовой сути самих джаидов.

На стр. 6 узнаем, что джаиды „представляли из себя не

политическую партию, а просто кучку фрондирующих интеллигентов“. В журнале же читаем: „... представляли из себя не политическую партию, а просто кучку фрондирующих затронутых европейской культурой мелких буржуа.“ („Историк-Марксист“ стр. 123).

Куда-же спрашивается девалась торговая буржуазия?..

Выходит не только по программе, но и по своему персональному составу джаиды являются представителями, как раз совершенно противоположного класса,—представителями городской мелкой буржуазии и мелко-буржуазной интеллигенции.

А дальше. На стр. 12: „Большинство джаидов принадлежало к материально средней и плохо-обеспеченной интеллигенции и мелкой буржуазии: студенты духовных школ, мелкие лавочники, мелкие чиновники, были и крупные купцы, но во первых—их было мало, они составляли исключение, а во вторых, они не столько сами работали в организации, сколько поддерживали ее материально“.

Опять мелкие буржуа и интеллигенция, но вовсе не торговая буржуазия. Дальше мы даже находим персональное перечисление ряда вождей с указанием социального происхождения. Конечно, социальное происхождение того или другого члена партии еще не вскрывает классовую сущность данной партии, но когда мы имеем программу мелкой буржуазии, то происхождение основной массы членов партии из мелкой буржуазии дополнительно к программе говорит чрезвычайно много.

Если автор хотел, не смотря на факты и изложение программы, все-же показать, что джаиды партии торговой буржуазии, то, мне кажется, это нужно было обосновать, но как раз обоснования в этой работе мы и не находим.

Интересно, что, как только началась революция, эта партия торговой буржуазии начинает, расти как раз не за счет торговой буржуазии. „С 1917 года усиленно вербуются новые члены и организация расширяется за счет трудящихся и интеллигенции“. (стр. 18).

Фокус чрезвычайно любопытный.

Партия торговой буржуазии в момент, когда масса подняла знамя борьбы против этой самой торговой буржуазии пополняется „за счет трудящихся и интеллигенции“. Ну интеллигенция это еще туда-сюда; но зачем же тут трудящиеся. Очевидно речь шла о городской мелкой буржуазии и дехканах.

Итак, разбор классовой сути джаидов приводит нас к выводу, что обещанной автором „ясности“ в его работе мы не находим. Мы весьма благодарны автору за добросовестное изложение фактов: оно проливает много свету на то, что творилось в Бухаре, в описываемый период, но как раз не подтверждает, а опровергает

ту философию момента, которая вкрапывается автором в его изложение. На основании данных автором фактов, мы можем сделать только один вывод:—джадиды были самыми обыкновенными мелко-буржуазными демократами, причем вопреки мнению автора из всей работы видно, что в смысле социальном никакой эволюции у них не происходило. Джадиды, как родились буржуазными демократами, так такими же демократами влились и в Коммунистическую Партию. Напрасно, автор пытается изобразить дело так, что джадиды 1910 года совсем не то, что джадиды назвавшие себя коммунистами. Даже из заявления автора, что пересмотрели только „многое“, но все-же не все, всякий может и должен заключить, что в лице джадидов партия всосала в себя настоящих, доподлинных буржуазных демократов. Это блестяще подтверждает приведенная автором программа джадидов, о которой уже были внутрипартийные споры — противоречит она программе коммунистов или нет и о которой, к удивлению историка, как автор сообщает, джадиды пришли к заключению, что программе коммунистической партии она не противоречит. Значит, входя в партию джадиды вовсе не отказались от своей буржуазно-демократической программы, а просто заявили ни с чем несурзную вещь, что между ними джадидами и коммунистами нет никакой разницы и влились в партию коммунистов.

Итак, джадиды были обыкновенными буржуазными демократами, они плохо, но все-же вели буржуазно-демократическую революцию против эмира и эмирата. Но что-же такое спрашивается этот самый эмират? Так как в работе для решения этого вопроса дано не достаточно материала, то лучше всего будет, если мы в доказательство своего тезиса приведем свидетельство других источников.

У Губаревича—Родобойского, прожившего в Бухаре 6 лет и порядком по ней поездившего, читаем: „В Бухаре каждый сановник есть в то-же время и торговец, не исключая эмира“. ¹⁾ И далее. На стр. 47. „Во всяком случае казалось бы, что из 2.500.000 десятин (всей обрабатываемой пахотной земли Г. Т.) едва-ли в общей сложности более 10% или 250.000 десятин принадлежит вакуфам, эмиру, сановникам, чиновникам, купцам и ремесленникам горожанам, не считая садов, пригородных дач и небольших участков возле каждого города, которые и хозяева купцы и ремесленники обрабатывают сами с помощью садовников и наемных рабочих, не сдавая „декханам“.

А в другом источнике ²⁾ находим следующее место: „Бухарское

¹⁾ Губаревич — Родобойский, „Экономический очерк Бухары и Туниса“, стр. 40.

²⁾ Д. Н. Лагофет „Бухарское ханство под русским протектором“. (Том 2-ой, стр. 92).

ханство, имеющее крайне плодородную почву вследствие своего особенного уклада государственной жизни крупного землевладения не знает и самым крупным землевладельцем, поэтому, является сам эмир, владеющий в разных бекствах культурными земельными участками до 1.000 десятин в общей сложности. Лишь немногие лица в ханстве имеют земельную собственность в количестве от 20 до 40 десятин“ и т. д.

Итак, во первых—все чиновники до самого эмира включительно—торговцы и во вторых,—Бухара „крупного землевладения не знает“. Эмиру и чиновникам в общем принадлежит чрезвычайно незначительное количество земли. В разбираемой же работе читаем: „В их руках (т.-е. в руках высших сановников и духовенства Г. Т.) в результате систематического грабежа народных масс скопились значительные богатства, что позволяло этой группе населения выступить в качестве представителей ростовщического капитала. Ссуды сановников торговцам, финансирование им торговли, которая таким образом становилась зависимой от заимодавца—были обычным явлением. Чиновники, духовенство, финансовая аристократия не были дифференцированы и представляли из себя, как это обычно бывает в ранние эпохи торгового капитализма одну сплоченную кампанию золоченную верхушку эмирской Бухары“ (стр. 9).

Выходит по Ходжаеву, что джадиды „выражавшие интересы торгового капитала“ фрондировали сами себе, т.-е. той же торгово-ростовщической буржуазии, эмирату, выставляя против нее программу мелкой буржуазии будучи персонально составленными из выходцев мелкой буржуазии. На вопрос о том, чьей властью был эмират?—двух ответов после приведенных цитат быть не может—это власть туземной торгово-ростовщической буржуазии. На вопрос вытекающий из этого—в чем социальный смысл революции в Бухаре направленной против эмирата?—двух ответов быть не может—это борьба мелкой буржуазии и дехканства против торгово-ростовщического капитала. На вопрос, почему джадиды очутились на гребне этой революции?—так-же не может быть двух ответов. Потому, что они отражали интересы, как раз не торгового капитала, а мелкой буржуазии.

Но автор разбираемой работы не хочет вносить ясность в поставленные вопросы. Он просто заявляет, что джадиды партия торгового капитала и после этого для объяснения того чуда, как вдруг партия торгового капитала превратилась в Коммунистическую партию, и как РКП без страха и трепета приняла в свои ряды вождей торгового капитала, выдумывает новое чудо—внеклассовых революционеров. Посмотрим, как это получается. Вся глава „социальная структура эмирской Бухары“ (стр. 9—12) поставлена у автора с ног на голову. Автор для джадидов, которые по его

мнению являются „идеологами демократии и торгового капитала“ (стр. 9)—ищет опоры, „социальную среду, внутри которой приходилось работать“—и никого не находит. Джадиды остаются без своего класса. Сановники и духовенство, то бишь финансовая аристократия, никуда не годятся, на „развитие прогрессивных идей у этих людей трудно было рассчитывать“ (стр. 9), бухарское купечество было „в значительной своей части аморфно-реакционной“ массой. „Сельские кулаки“ жили на бенефициях, дехканство „не было в то время настроено революционно“, а „пролетариата в точном смысле этого слова, т. е. фабрично-заводских рабочих в Бухаре почти не было“.

Читатель видит, как красиво получается. „Идеологи демократии и торгового капитала“ считают совершенно безразличным для себя на кого опереться, ищут этой опоры во всех классах общества и,—увы! не находят.

Чрезвычайно характерно место о пролетариате. „Не чувствуя за собою силы организованного пролетариата бухарские джадиды, а позднее младобухарцы, которые, как мы видим, не имели надежной опоры и в слоях населения (очевидно, нужно было сказать „в других слоях“, думаем, что опечатка Г. Т.) естественно, должны были действовать осторожно. Кроме того, отсутствие пролетариата и необходимость искать других союзников, хотя бы в лице торгового класса, выпячивали вперед националистические лозунги движения и сознательно или бессознательно затушевывали социальные противоречия“.

Прелесть, что за место. Для идеологов демократии и торгового капитала теперь уже и пролетариат и торговая буржуазия—только просто союзники. Это все равно что сказать:—идеолог пролетариата ВКП—имеет или хочет иметь своими союзниками пролетариат и крестьянство. Одно из двух—либо джадид действительно идеолог торгового капитала, тогда торговый капитал для него **свой класс**, а не союзник, или он не идеолог торгового капитала. Но еще важнее то, что по мнению автора, если бы за джадидами, как автор выражается в соответствующем месте, в „Историк-Марксист“, стояла „железная пролетарская когорта“ (стр. 127) „организованного пролетариата“, то джадиды—идеологи торгового капитала и демократии—чувствовали бы себя чрезвычайно крепко и действовали бы не так осторожно. Думается, а также думается и всякому члену партии, ибо так думалось и Ленину, что „организованный пролетариат“—это значит пролетариат организованный не только в профсоюзы, но и в свою пролетарскую партию. И, как бы чувствовали себя „идеологи демократии и торгового капитала“, если бы в Бухаре появилась такая организованная „пролетарская когорта“—вопрос большой.

Джадиды, конечно, по свидетельству автора, остаются вер-

ными себе до конца, даже и тогда, когда по выражению автора, „попутчики“ (теперь уже они только попутчики, что то очень быстро!), т. е. бухарское купечество отошли от движения, сядут все-же опираться на всех сразу, в том—числе и на этих попутчиков, считая, что чем „шире“ будет их „социальная база“, тем лучше. Беда впрочем не только в том, что так думают джадиды, ведь они „идеологи демократии и торгового капитала“, им мыслить так, как мыслит мелкий буржуа весьма кстати, но беда как раз в том, что и сам автор с ними соглашается.

Автор заявляет, **„Таким образом социальная база джадидизма с’узилась“** (это после ухода „имущих“ Г. Т.). Организация ослабла и ослабла также и сила ее морального воздействия на общество“ (стр. 33, подчеркнуто автором).

Итак, джадиды хотя и называются автором идеологами одновременно двух противоположных классов: демократии (надо полагать мелкая буржуазия и дехканство, иначе какую же другую демократию придумаешь) и торгового капитала, тем не менее в изображении автора они являются перед нами, как надклассовые революционеры, для которых безразлично на кого опереться и для которых, чем „шире“ „социальная база“, тем лучше, а отсюда вытекает и чудо.

Вот подчеркнутое автором место на стр. 58.

„Оценивая в смысле перспектив революции соотношение в Бухаре социальных сил являющихся истинными двигателями всякой революции в дооктябрьский период и к началу 1917 года, мы должны отметить, что крестьянство не бывшее ранее революционным, стало к этому времени переходить в лагерь революции, (интересен этот абстрактный всеобщий лагерь революции Г. Т.), купечество же являвшееся в дооктябрьской революции все-таки одним из главных источников, из которых черпал свои силы джадидизм решительно перешло в лагерь реакции.“

Возможно, именно эта перегруппировка социальных сил, перенесшая центр движущих сил революции социально влево от имущих, вместе с непосредственным влиянием русского коммунизма, подготовила путь для радикализации некоторой части Младобухарской партии, постепенно превратившейся из обычной буржуазной прогрессивной партии в коммунистическую партию Бухары“.

Здесь уже, как видим джадиды не партия „выражающая интересы торгового капитала“, а „обычная буржуазно-прогрессивная партия“, т. е. партия промышленников и эта буржуазно-прогрессивная партия пренесенная автором чрез всю работу, как партия не имеющая социальной базы и ищущая ее каждодневно и каждо-часно, наконец, под влиянием революционного крестьянства на своих костях, из некоторой своей части создает—коммунисти-

ческую партию. Болтание ногами закончилось: „идеологи демократии и торгового капитала“, многое пересмотрев, от многого отказавшись, многое приняв вновь наконец уселись на крестьянскую лошадку и сделали коммунистами.

Итак к чему же в конце концов сводится ошибка автора?

Она состоит из следующих элементов:

1) Основная ошибка заключается в том, что автором не поставлен четко вопрос о классовой сути Бухарской революции. Если бы этот вопрос был поставлен, то на него нельзя получить иного ответа, как тот, что это была буржуазно-демократическая революция против Эмирата, который олицетворял собою туземный торгово-ростовщический капитал.

2) Став с самого начала на ту точку зрения, что джадиды были выразителями интересов торгового капитала, автор не понял того обстоятельства, что революционные силы свершившие в Бухаре буржуазно-демократическую революцию, зрели конечно не один год, их созревание началось задолго до революции, что в лице джадидов мы имеем идеологический отблеск на поверхности классовой борьбы.

3) В поисках объяснения того, почему джадиды стали коммунистами автор отрывает джадидов от им же самим подставленного класса и изображает дело так, будто джадиды ориентируясь всегда на наиболее революционный класс стали коммунистами тогда, когда появился этот класс — дехканство.

В самом деле ничего этого конечно не было: джадиды родились буржуазными демократами. Вся их история, все их поведение в революции, это поведение трусливых буржуазных демократов. Никакой пересадки с класса на класс конечно не было. Джадиды всегда были только мелко-буржуазными революционерами и больше никем.

4) Рассказ об эволюции не только взглядов, но даже самой классовой сущности джадидизма введен автором в работу для того, чтобы в конце концов заставить сделать вывод, что принедавшие в партию джадиды в момент своего прихода были настоящими коммунистами, этот взгляд конечно для партии вреден. Партия должна знать, что она включила в свои ряды фалангу буржуазных демократов, которые конечно не переделались от того, что назвали себя коммунистами.

Вопрос о том насколько эта фаланга перерабаталась в партии, выходил за рамки работы автора, он конечно выходит и за рамки моей рецензии.

Итак обещаний ясности понимания событий все же в работе мы не находим, но в то же время работа дает такое большое количество фактов и материала, что она в наше время является ценнейшим документом по истории джадидизма. Остается только пожелать, чтобы и другие участники описанных событий — дали свои монографии, как материал для истории революции.

Долг.
Вост.
Истор.

ИЗДАНИЯ

СРЕДНЕ-АЗИАТСКОГО

КОММУНИСТИЧЕСКОГО

УНИВЕРСИТЕТА

имени В. И. ЛЕНИНА при ЦИК СССР

гор. Ташкент, пр. Карла-Маркса, № 32.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1926/27 год, на

единственн. научно-исследовательск. марксистск. журнал

„КОММУНИСТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ“

освещающий вопросы: экономики, политики, истории и современности Средней Азии.

Объем журнала 15 печ. л.

Подписная цена на год 7 руб. с пересылкой.

ОТЗЫВ ПЕЧАТИ: „Для научной мысли Средней Азии выход „Коммунистической Мысли“ — событие большой важности. Первая книга нового органа составлена почти исключительно из статей научно-исследовательск., краеведческого характера“. „Правда Востока“ от 24/IX 26 г. № 220.

Выходит четыре раза в год.

● Незаменимое издание для всех членов партии, научных и общественных работников Средней Азии. ●

№ 1-й.	СОДЕРЖАНИЕ:	№ 2-й.
1. Статьи: Ив. Меницкий — Последние дни рус. буржуазии. П. Галузо — Вооружение рус. населения. Силонов — К вопросу о роли ростовщич. кап. в с.-х. Ср.-Азии. П. Критика и библиография: А. Силонов — Лучшее сначала понять. Г. Туркестанский — О сборнике ст. Файзуллы Ходжаева. Н. Рамзин — В годы империалистич. войны. III. Трибуна.		1. Статьи: Ив. Сиснев — Стронг. Социализма в Ср.-Азии. П. Галузо — Роль рус. помещ. и рус. торг. кап. в Ср.-Азии. Е. Федоров — К ист. ком. партии Турк. II. Критика и библиография: Н. Рамзин — Буржуазия и паризм. Анишев — О методах обследования сел.-хоз. Ср.-Азии. Г. Туркестанский — Об одном истор. докум. III. о 1916 годе в Ср.-Аз. IV. Хроника.